

II. История идей

Леонид Люкс

Владимир Печерин (1807-1885) и русская ностальгия по Западу

В 1932 году в Москве была издана автобиография человека, жизненный путь которого многим казался странным и необычным. Книга вышла в свет почти полстолетия спустя после смерти автора, и была озаглавлена—по названию одной из его заметок—с глубоким трагическим смыслом: *Замогильные записки*. Публикацию этих записок, возникших в 60—70-х годах XIX века, не разрешила тогдашняя русская цензура. Такому запрету можно только подивиться, если принять во внимание, что происходило это при либеральном правлении Александра II, когда цензура была предельно мягкой. Многие радикальные критики существующей системы в то время могли легально публиковать свои сочинения в России. А публикацию биографии Печерина почему-то не допускали. И тем самым скрывали от русского читателя сложный и крайне нетипичный жизненный путь этого человека.

Однако и в России, и на Западе постоянно находились авторы, которых привлекал образ Печерина, и они пытались понять его судьбу. Так, например, еще до Октябрьской революции, в 1908 году, биографию Печерина написал историк культуры Михаил Гершензон. В послевоенное время судьбой Печерина занимались наряду с другими специалистами умерший в 1972 году русский публицист Виктор Франк (сын известного философа Семена Франка) и немецкий историк Петер Шайберт.¹

В судьбе Печерина завораживает то, что в ней в концентрированной форме обнаруживается сложное, амбивалентное отношение многих русских к Западу—и тогда, и сейчас.

---

¹ Гершензон М. В.С. Печерин // он же. История Молодой России. М., 1908. С. 75-173; Frank V. Ein russischer Exulant im XIX. Jahrhundert: Wladimir Petscherin // Rußland-Studien: Gedenkschrift für Otto Hötzsch. Stuttgart, 1957. P. 29-42; Scheibert P. Von Bakunin zu Lenin: Geschichte der russischen revolutionären Ideologien. Bd. 1. Leiden, 1956. P. 21-35; idem. Über einige neue Briefe von Vladimir Pečerin 1867-1873 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1960. Vol. 8. P. 70-78; v.

С самой ранней юности Печерин родившийся в 1807 году в российской провинции, стремится на Запад. Жизнь в России представляется ему однообразной, бессмысленной, а настоящая жизнь, по его мнению, пульсирует только там, на свободном и многокрасочном Западе. Спустя много десятилетий он писал в одном из своих писем: «Тяга к загранице охватила меня с самого детства. На Запад! На Запад!—звал меня загадочный внутренний голос».²

Эти чувства овладевали Печериным прежде всего в период, последовавший за восстанием 1825 года. Россию тогда держал в своих железных руках Николай I, и Печерин был не единственный, кто воспринимал царившую тогда в России атмосферу как невыносимую.

В 1833 году 26-летний Печерин был послан на Запад русским правительством как многообещающий доцент классической филологии. Там он должен был продолжить свое образование, в первую очередь в немецких университетах. Двухлетнее пребывание за границей окончательно сделало Печерина пылким почитателем Запада. Оживленная и многообразная культурная, политическая и социальная жизнь Запада настолько его очаровала, что он стал видеть в Западе своего рода Землю Обетованную.

Отвращение к России дошло у Печерина до предела. Он полностью идентифицировал себя с теми, кто испытывал антирусские настроения, которые тогда (сразу после подавления польского восстания 1830/31 года) на Западе преобладали. Ему Россия тоже казалась страной рабства и угрозой для западной цивилизации.³ Под влиянием таких настроений он спустя некоторое время написал стихотворение, полное ненависти и преувеличений. Оно начиналось такими строками:

«Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья».⁴

Возвращение в Россию Печерин переживал очень тяжело. Тем не менее в середине 1835 года он вернулся и возглавил кафедру классической филологии в Московском университете. Внешне казалось, нет никаких помех для блестящей научной карьеры. Многие современники считали, что Печерин принадлежит к числу наиболее одаренных профессоров Московского университета. Студенты слушали его лекции с подлинным восхищением; его научные работы встречали в академических кругах самый положительный отклик. У него было много верных и понимающих друзей, которые относились к нему с любовью и уважением, пророчили блестящее будущее.⁵

Но Печерин добровольно отказался от всего этого, когда в июне 1836 года, в возрасте 29 лет, он покинул Россию, почти сбежал. Он уехал на Запад под пред-

---

Schelting A. Rußland und Europa im russischen Geschichtsdenken. Bern, 1948. P. 231-238; Lipski A. Pecherin's Quest for Meaningfulness // Slavic Review. 1964. Vol. 23. No. 2. P. 239-257.

² Гершензон М. В.С. Печерин. С. 155.

³ Там же. С. 90-91.

⁴ Печерин В. Замогильные записки. М., 1932. С. 6.

⁵ Гершензон М. В.С. Печерин. С. 93-94.

логом ускорить публикацию своей диссертации в Германии. Но на самом деле он хотел навсегда оставить Россию, и, действительно, свою родину он так и не увидел больше до самой смерти в 1885 году. В своих воспоминаниях он пишет: «...в половине мая 1836 года я выехал из ненавистной мне Москвы... <у меня> была непреклонная воля не возвращаться в Россию! Вот так-то я потерял все, чем человек дорожит в жизни: отечество, семейство, состояние, гражданские права, положение в обществе—все, все! Но зато я сохранил достоинство человека и независимость духа».⁶

Печерин покинул Россию за несколько месяцев до появления знаменитого «Философического письма» Петра Чаадаева. В этом письме Чаадаев критикует Россию и ее историю не менее беспощадно, чем Печерин. Но в то время как письмо Чаадаева потрясло всю русскую образованную общественность, критика Печерина была известна лишь немногим посвященным. Однако это не удивительно. Чаадаев высказал свой жесткий, в некоторых пунктах необоснованный диагноз положения в России не в последнюю очередь потому, что стремился это положение изменить. В противовес ему Печерин сделал совершенно другой вывод из своей критики. После того как он констатировал, что положение дел в России коренным образом отличается от почитаемого им Запада, он уже не хотел иметь ничего общего со своей страной. В спорах между славянофилами и западниками о судьбах России, разгоревшихся после письма Чаадаева, Печерин не участвовал. Он пошел своим собственным путем и попытался разорвать все узы, связывавшие его с русским прошлым.

Неприятие России было связано у Печерина с неясными романтическими мыслями о собственной миссии. Он хотел на Запад, чтобы там участвовать в борьбе за освобождение человечества от какого бы то ни было угнетения и в создании нового, справедливого мира.⁷ Чрезвычайное влияние на него оказали идеи французских социалистов—Сен-Симона, Фурье но больше всего—Ламенне. Эти идеи, которые он считал тогда за самое высокое и благородное проявление западного духа, по сути, и прогнали его из России. Спустя три десятилетия утративший свои иллюзии Печерин писал: «Книги—вещи преопасные: от них рождаются идеи, а следовательно, и всевозможные глупости (за эту фразу покойный Николай Павлович, наверное, сделал бы меня по крайней мере камер-юнкером. Жаль, что он умер). Книги имели решительное влияние на главные эпохи моей жизни. Да еще бы ничего, если бы это были настоящие книги, т. е. какие-нибудь фолианты... а то нет! Самые ничтожные брошюрки в каких-нибудь сто страниц решали судьбу мою на веки веков. Брошюрка Ламенне заставила меня покинуть Россию и броситься в объятия республиканской церкви».⁸

⁶ Печерин В. Замогильные записки. С. 37.

⁷ Гершензон М. В.С. Печерин. С. 97-100, 104-108.

⁸ Печерин В. Замогильные записки. С. 81.

Таким образом, Печерин поменял надежную жизнь уважаемого профессора на бесправное и безденежное существование эмигранта. Так как у него не было денег и необходимых документов его гоняли из одной европейской страны в другую. Как метко заметил Виктор Франк, он предвосхитил судьбу многих русских эмигрантов позднейшего времени. Пренебрежительное отношение Печерина к материальным благам, его готовность отказаться от них в пользу идеалов связывают его с революционной русской интеллигенцией, которая стала возникать примерно ко времени его бегства. Печерин, как справедливо замечает Виктор Франк, был одним из прототипов этого нового социального слоя.⁹

Наряду с аскетизмом у Печерина были и другие качества, которые стали типичными для позднейших представителей интеллигенции, например, стремление к незамедлительному осуществлению собственных идеалов. Пропасть, которая отделяла идеалы от действительности, была до такой степени невыносима для Печерина и для представителей русской интеллигенции, что они готовы были на отчаянные поступки, лишь бы ее устранить. «Бегство» Печерина на Запад можно считать примером такого поступка.

Если Запад в целом был для Печерина своего рода землей обетованной, то Париж в особенности он рассматривал как «новый Иерусалим». Он хотел любой ценой попасть в Париж. Весной 1837 года он писал своему другу в России, что следует за своей путеводной звездой, которая ведет его в Париж.¹⁰ Там, в «духовной столице» старого континента, по мнению Печерина, должна решиться судьба Запада, а значит, и всего мира.

В своих воспоминаниях Печерин говорит, что до 1838 года его идеи и идеалы были чисто французскими. Но для его времени, по крайней мере для образованных кругов, в которых он вращался, это было типично: они презирали все русское и рабски почитали все французское.

Мечта Печерина — принять участие в Париже в подготовке европейской революции—была, однако, разбита французской полицией. Так как у него не было настоящего паспорта, французские пограничные власти отказали ему во въезде в страну. Он получил лишь транзитную визу для проезда через Францию из Швейцарии в Бельгию. Наверно, это было первым большим разочарованием, пережитым Печериним на Западе. Ему стало ясно, что и западная свобода, которой он так восхищался, была не безграничной.

Это разочарование совпало с другим. Печерин начал отдаляться от революционной среды, в которой он вращался в годы своей первой поездки на Запад. Он считал, что вместо революционного идеализма он обнаружил там только тщеславие и пустую риторику. Сочинения революционных теоретиков, которые он интенсивно изучал (например, Бабефа), казались ему банальными и поверхностными.

⁹ Frank V. Ein russischer Exulant. P. 30.

¹⁰ Гершензон М. В.С. Печерин. С. 101.

Если подумать о том, с какими безграничными ожиданиями Печерин прибыл на Запад и как глубоко он был убежден в немедленном наступлении там «золотого века», то его разочарование, в одинаковой мере быстрое и безграничное, не покажется удивительным. Его можно было предвидеть. Но что можно было предвидеть в гораздо меньшей степени, так это реакцию Печерина на свое разочарование.

Так как он ни за что не хотел возвращаться в Россию и все еще считал Запад единственной частью света, в которой он может жить, он стал искать другой западный идеал, с которым он мог бы себя полностью идентифицировать. И он нашел его в католицизме. Новейшая западная идеология—социализм—больше его не привлекала, и он обратился к самому старому учению Запада.

В этом пункте путь Печерина расходится с обычным путем представителя русской интеллигенции. Разочарование Печерина в революции пришлось на такой момент, когда русская интеллигенция только начинала преданно и безоговорочно служить революционному идеалу, и это служение затянулось на многие поколения. Поэтому для представителей русской интеллигенции, поначалу считавшей Печерина своим единомышленником, его шаг оказался совершенно непонятным. Тем более что Печерин стал не просто католиком, а принял монашество. В 1840 году он вступил в суровый орден редемптористов, который видел свою задачу в том, чтобы проповедовать Евангелие среди самых бедных слоев населения.

В своих мемуарах Александр Герцен объясняет уход Печерина в монастырь как следствие тяжелой депрессии. Под грузом одиночества, нищеты и безразличия, с которыми он столкнулся на Западе, Печерин пережил душевный крах. Только этим можно объяснить странное обстоятельство: тот же самый человек, который сбежал от несвободы в царской империи, подчинился строгой дисциплине католического ордена.

Друг Герцена Огарев комментирует этот шаг Печерина с еще большей страстностью. По его словам, Печерин, революционный поэт и ученый, разочаровался во всех своих прежних идеалах и заживо похоронил себя в монастыре. Ни один русский поэт не умер более страшной смертью.¹¹

Печерин высказывает свое отношение к этим объяснениям, отчасти цитируя их в своих воспоминаниях. Так, например, версию Герцена относительно своего ухода в монастырь он решительно отвергает. Материальные тяготы эмигрантской жизни не были ни в коей мере причиной этого его шага.

Если подумать о том, с какой легкостью Печерин отказался от материального благосостояния в пользу своих идеалов и как сильны были в нем аскетические склонности, то его возражения против высказанного Герценом предположения звучат весьма правдоподобно. Причины крутого поворота в его жизни наверняка были обусловлены в первую очередь идейными, а не материальными причинами. Но что это были за причины, сказать трудно. Сам Печерин мало что говорит по

---

¹¹ См.: Печерин В. Замогильные записки. С. 103-104.

этому поводу, к тому же его воспоминания, написанные три десятилетия спустя после его обращения в католичество, когда он был в совершенно ином душевном состоянии, не всегда можно считать надежным источником. Но едва ли можно сомневаться в том, что интерес Печерина к религии после того, как он разочаровался в революционных идеалах, был глубоким и искренним. В этом он предвосхитил процесс, который лишь спустя полвека наметился в кругах русской интеллигенции. Тогда (на рубеже веков) некоторые ведущие представители русской интеллигенции, такие, как С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Франк, в свою очередь тоже разочаровались в революционных идеалах и так же, как и он, открыли для себя религию. Но у них это было православие, а не католицизм. Стало быть, и здесь Печерин шел своим собственным путем.

Как правильно говорит М. Гершензон, для Печерина просто переход в католичество был бы недостаточен. Ему необходимо было провозгласить свой символ веры и пытаться с его помощью изменить мир. Этим объясняется его вступление в орден редемптористов.¹²

Любую свою веру Печерин проповедовал с беспримерной страстностью и радикальностью. Между прочим, эта черта характерна и для других представителей русской интеллигенции, которые начиная с 30-х годов XIX века становились приверженцами определенных западных идей. В этом заключалась специфически «русская нота», которую они вносили в свои идеи.

На Западе, который становился все более скептическим и трезвомыслящим, эта русская страстность воспринималась как нечто весьма привлекательное. Видимо, именно этим не в последнюю очередь объясняются успехи Печерина, которых он добился в своей миссионерской деятельности, будучи членом ордена редемптористов.

Этой деятельности он посвятил почти два десятилетия. По единодушному мнению многих наблюдателей, он относился к наиболее талантливым и блестящим ораторам в своем ордене. Сохранились сообщения об удивительных миссионерских успехах Печерина в самых разных европейских странах: сначала в Бельгии, затем в Англии, и наконец, в Ирландии.

Риторические таланты Печерина проявились уже во время его деятельности в качестве университетского профессора. Другой предпосылкой его успехов был его невероятный языковой талант, о котором сообщали многие современники. Наряду с классическими языками, он владел французским, английским и немецким.

В своих воспоминаниях Печерин раскрывает еще одну тайну своих проповеднических успехов. Здесь ему пришлось на помощь его русское и православное прошлое. Свои проповеди Печерин строил не по образцу западных отцов церкви и проповедников, а по образцам восточного православия. В первую очередь он был вдохновлен примером самого великого проповедника православной церкви—Ио-

---

¹² Гершензон М. В.С. Печерин. С. 119.

анна Златоуста; от него он научился строить свои речи не так рационалистично, как это делали знаменитые проповедники в его время, главным образом французские.¹³

Печерин полностью порвал со своим революционным прошлым. Особенно отчетливо это проявилось во время его встречи с Александром Герценом в 1853 году, о которой поведал Герцен в своих мемуарах.

Герцен завел с Печериным разговор о его революционных стихах и спросил, нельзя ли их опубликовать. Печерин удивился, как это Герцен все еще сохраняет интерес к стихам такого рода. Сам он воспринимает их так, как будто их написал не он, а кто-то другой. Он не хочет иметь с этими стихами ничего общего и смотрит теперь на них, как выздоровевший человек, смотрит на свою только что пережитую болезнь.

Сразу же после этой встречи между Печериным и Герценом завязалась интересная переписка. В ней Печерин радикально нападает на присущую Герцену веру в науку и прогресс, иными словами на свои собственные прежние идеалы. Теперь он считает, что единственной истинной основой любого общества может быть только религия. То общество, в котором религия заменена верой в науку или философскими системами, будет либо упадочным, либо деспотическим. Печерин опасается, что в случае триумфа научно-материалистической цивилизации вновь начнутся гонения на христиан. В этой цивилизации не найдется места тем, кто, подобно ему самому, предпочитает созерцательный образ жизни.¹⁴

Воспоминания Герцена и письма самого Печерина свидетельствуют о том, что и спустя 13 лет после ухода в монастырь Печерин полностью отождествлял себе с католической верой и своим положением в рамках католической церкви.

Его авторитет в ордене постоянно возрастал. В 1858 году его наставники даже решили отправить его в Рим. Он должен был выступать там со своими проповедями, в том числе и на русском языке.

Однако пребывание Печерина в Риме оказалось кратковременным. В своих мемуарах он пишет, что не мог даже дышать в этом городе.¹⁵ Мирская власть пап и роскошь придворных церемоний противоречили его пуризму и аскетизму.

Но отвращение к Риму было скорее всего следствием, а не причиной его сомнений, которые начались примерно в это время. Его внутренний голос, романтическая тяга к земному раю опять породили в его душе беспокойство. Когда-то тот же голос подвиг его к бегству из России, а теперь начал подталкивать к такому же бегству из монастыря. В душе Печерина зарождается мятеж против беспрекословного послушания церковным властям, которым он двадцать лет подряд

---

¹³ Печерин В. Замогильные записки. С. 157.

¹⁴ Герцен А. Былое и думы. Т. 3. М., 1958. С. 363-376.

¹⁵ Печерин В. Замогильные записки. С. 171.

подчинялся добровольно. В мае 1861 года один из наставников упрекает его в том, что он подвергает критике мирскую власть пап.¹⁶

В это же время Печерина начинают одолевать сожаления о том, что он вступил в монастырь. Появляется чувство, что он что-то в жизни упустил. Настоящая жизнь, настоящая история человечества протекают за стенами монастыря, а монастырская жизнь в какой-то мере ирреальна. В конце 1861 года Печерин ушел из монастыря. Сразу же после этого он пишет, что лучшие 20 лет своей жизни он проспал. Теперь он согласен с приведенным выше высказыванием Огарева, что он похоронил себя заживо в монастыре.¹⁷

Уход из монастыря для Печерина практически означал разрыв с католицизмом. Вследствие этого он утрачивал последний идеал, связывавший его с Западом. Наверно, это было величайшим разочарованием в его жизни.

Запад, который с детства был предметом его восхищения и вожделения, начал терять свой блеск в его глазах. И в то же время растет его интерес к России. В течение долгих десятилетий он вспоминал свою родину только с ужасом. Связи с Россией он прервал почти полностью. Он даже начал постепенно забывать свой родной язык. Но все это радикально изменилось после смерти Николая I в 1855 году. Печерин пишет, что, пока жив был Николай I, он никогда даже и не вспоминал о России. Уже вскоре после прихода к власти Александра II он заметил, что в России начинается другая эпоха. Своими реформами, прежде всего освобождением крестьян, Александр II пробудил Россию к новой жизни. Свой разрыв с орденом Печерин пытается связать прежде всего с этим новым процессом в России. Он считал невыносимым оставаться в монастыре в такое время, когда в России происходят столь важные перемены. Он хотел принять участие в этих реформах.

Печерин, десятки лет страстно боровшийся с идеями славянофилов об упадке Запада и богоизбранности России, сам начинает высказывать подобные мысли. Теперь он считает, что Запад уже сыграл свою историческую роль. Великое будущее человечества начинается теперь в России.

Такое же сближение с идеями славянофилов можно было наблюдать и у других русских «западников», долго живших на Западе, например у Александра Герцена и Михаила Бакунина. Однако позиция Печерина существенно отличалась от позиции Герцена или Бакунина так как он не разделял их веру в революцию и в революционное предназначение России. Но и от славянофилов Печерина все еще отделяла глубокая пропасть. В противовес им он, к примеру, не идеализировал допетровское прошлое России.

При его обращении к России не могло быть и речи о безграничном восхищении, которое он когда-то испытывал по отношению к Западу. Он был далек от то-

---

¹⁶ Франк В. У истоков истории русской интеллигенции. Неизвестная страница из биографии В.С. Печерина // он же. Избранные статьи. Лондон, 1974. С. 150.

¹⁷ Печерин В. Замогильные записки. С. 38.

го, чтобы превратиться в ура-патриота, русская действительность давала ему множество поводов для критики. Когда в январе 1863 года началось антирусское восстание в Польше, он однозначно высказался в пользу Польши, как впрочем, и другие русские эмигранты, например, Герцен и Бакунин.

В связи с польским восстанием кое-кто из его друзей, как в эмиграции, так и в России, попытались уговорить его вернуться в Россию. Он мог бы способствовать примирению между поляками и русскими. Он предназначен к этой роли, так как является одновременно и католическим священником и русским.¹⁸

Вопрос о возвращении Печерина обсуждался в русской прессе. Михаил Катков, в то время еще бывший либеральным публицистом, высказался за возвращение Печерина, а влиятельный представитель националистических кругов в России М. Погодин наоборот, был решительно против: благодаря своему миссионерскому таланту Печерин обратит в католичество столько же русских прозелитов, сколько он в свое время, будучи университетским профессором, обратил к изучению классических языков.¹⁹

Но и сам Печерин колебался, возвращаться ли ему в Россию. Он не полностью доверял вновь обретенной русской свободе. В апреле 1863 года он писал Огареву: «Если бы в России было как в Англии, где каждый может свободно разгуливать, говорить и делать все, что захочет..., то я бы наверно сразу же взялся там за свои дела. А так что мне делать в России?»²⁰

Из этого видно, что Печерин не смог правильно оценить размах перемен, произошедших в России после начала великих реформ. К правлению Александра II он прилагал мерки, которые в принципе были бы приложимы только к режиму Николая I.

Итак, Печерин остался на Западе, закат которого он считал неизбежным. Парижская коммуна явилась для него знаком того, что старая Европа стоит у своей последней черты. Подобно ранним христианам, разрушавшим языческие храмы, коммунары должны были разрушить старые дворцы и памятники. Защитники античной культуры видели в христианах варваров, и точно также думали о коммунистах защитники старой Европы. Однако коммунисты, которые последовательно и непреклонно добиваются своих целей, скорее всего победят, как и ранние христиане.²¹

Печерин остался католическим священником, хотя он был убежден в том, что католическая церковь не переживет заката Европы. При этом он критиковал католичество, и прежде всего политические притязания папства, с такой же радикальностью, как некогда Россию или революционные идеи. Но теперь у него не было нового идеала, во имя которого он клеймил бы прежний. Его ярко выра-

¹⁸ Frank V. Ein russischer Exulant. P. 40; Izjumov A. Der Briefwechsel V.S. Pečerin mit A.I. Herzen und N.P. Ogarev // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. 1933. Vol. 9. P. 505-506.

¹⁹ Izjumov A. Der Briefwechsel. С. 504-505.

²⁰ Там же. С. 516.

²¹ Печерин В. Замогильные записки. С. 100.

женное стремление делить мир на «добро» и «зло» на сей раз оставалось неудовлетворенным.

В одном месте своих записок он даже говорит, что ненавидит все идеалы, ибо они заставляют человека делать то, что противно его природе.

Но, несмотря на это высказывание, Печерин продолжал искать идеал, которому он мог бы служить. В одном из писем он пишет о себе: «Всю свою жизнь я был настоящим Дон Кихотом. Я все принимал за чистую монету, видел повсюду добродетель и красоту, где их и в помине не было... Сколько ветряных мельниц я считал за великанов! Скольким дульсинеям я поклонялся!»²²

В ходе своих отчаянных поисков идеала Печерин углубляется в индийскую метафизику, но одновременно занимается также и материалистической философией, которую он прежде так резко отвергал.²³ Ничто не может удовлетворить его окончательно. Ему не удается найти замену своему старому идеалу—Западу.

Одна из последних надежд Печерина оказалась разбитой, когда русская цензура не допустила публикации его воспоминаний. Печерин хотел хотя бы таким косвенным путем, с помощью своих записок, вернуться на родину. Он считал, что русский читатель, и прежде всего молодежь, могут кое-чему научиться на примере его жизни.

Петербургскую цензуру явно испугали крайне критические высказывания Печерина о царской империи и религии. (Как раз эта критика стала причиной, из-за которой советские функционеры в области культуры решили опубликовать записки Печерина в 1932 году. Во введении Лев Каменев «от издателя» одобрителем указывает на эти высказывания, хотя и называет автора «классовым врагом».)

Печерин был бесконечно разочарован этим запретом. С этих пор, пишет он в своих записках, у него не осталось надежды, что кто-нибудь прочтет его воспоминания еще при его жизни, высказав критику или похвалу. Он говорит с сарказмом: «Я адресую свои записки прямо на имя потомства; хотя, правду сказать, письма по этому адресу не всегда доходят,—вероятно, по небрежности почты, особенно в России».²⁴

Но если эти записки все же когда-нибудь опубликуют, хоть в грядущем столетии, пишет далее Печерин, то, может быть, его жизнь, жизнь вечного Дон Кихота, вдохновит какого-нибудь молодого русского читателя в свою очередь совершить что-нибудь необычное, какую-либо великодушно-романтическую глупость.

Разочаровавшись в Западе, но не имея возможности и желания вернуться в Россию, Печерин оказался в вакууме между двумя мирами. Последние 23 года своей жизни (1862—1885) он провел в Дублине, работая священником в католическом госпитале. Эту работу, как и все другие виды деятельности в прошлом, он

²² Izjumov A. Der Briefwechsel. P. 516.

²³ Гершензон М. В. С. Печерин. С. 165-167.

²⁴ Печерин В. Замогильные записки. С. 166.

исполнял образцово. Ото всех он получал только похвалу и благодарность. Окружающие в нем ничего не замечали, никаких внутренних конфликтов и душевной борьбы. До конца своей жизни он оставался воплощением романтического стремления к идеалу, к раю на земле—стремления, которое никогда не могло исполниться. Вопросы, которые занимали его более ста лет назад, в первую очередь отношения между Россией и Западом, до сегодняшнего дня сохраняют свою актуальность. И сейчас их обсуждают в России с такой же страстью, а зачастую и с теми же аргументами, которые были присущи Печерину — этому пионеру западничества.

Перевод с немецкого: Лариса Лисюткина.